

НОВОЕ О ГРИБОЕДОВЕ И ДЕКАБРИСТАХ

I. ГРИБОЕДОВ ПОД СЛЕДСТВИЕМ И НАДЗОРОМ

Статья М. М. Медведева

Вопросы идейной и личной близости Грибоедова к декабристам и степень его причастности к деятельности Тайного общества не раз уже привлекали внимание исследователей. В результате разысканий, проведенных за последнее время в Центральном государственном историческом архиве и в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве, мы располагаем теперь новыми публикуемыми здесь документами, расширяющими наши фактические сведения о «декабристских» этапах биографии Грибоедова.

I

Самым ранним из публикуемых нами документов является письмо А. А. Бестужева к Павлу Александровичу Муханову¹, известное лишь по нескольким цитатам².

Приводим его полностью:

Петер<бург>. 17 июня 1825 г.

Очень, очень грустно было, любезный <...>³ выезжать мне из Белокаменной. У заставы купил я калач, но он показался мне горек — это было последнее вещественное воспоминание о Москве... она скрылась скоро из виду. Ни толчки дилижанса, ни говор спутников-купцов не выводили меня из задумчивости. Когда и как въеду я опять в нее, зачем и с чем ее оставлю? Вот что вертелось в уме, но уже как обожженная бабочка около свечки. Четыре вековых дня был я на колесках, закупорен в душном ящике, но мне стало еще душнее, когда загремели передо мной цепи петербургского шлагбаума. Неприятные вести ждали меня у порога. Впрочем, это домашнее — герцог⁴ принял меня очень ласково, и все обошлось и *все* переменится. Ну что у вас нового? весело ли ты поезживаешь на дачи? и как сердечные ноты разыгрываются? и часто ли даешь ты концерты, в которых увертюры после финала? Зная, что ты скромничаешь, я наперед за тебя отвечаю.

Про мое житейство-бытие и про наши вести расскажет тебе Оржицкий⁵ — мы его сплавили в Одессу ... хочет отведать тамошней скуки; показалось ему, что он хочет служить, но опыт разуверит его, я думаю, очень скоро, если Софья⁶ не вовсе сделала его софистом. Скажи, не получаешь ли ты писем от Грибоедовых? Если да, что они*? — Когда же писать к ним

* В подлиннике: оне. Женский род указывает на то, что речь идет о матери и сестре Грибоедова. — *Ред.*

станешь, не забудь примолвить и обо мне словечко... Я часто о них вспоминаю. От А<лександр>ра⁷ получили <!> Одоевский⁸ письмо недавно из Киева; он там восхищается природой. Марье Сергеевне⁹ скажи, que mon coeur brûle pour Moscou comme un plumpudding enflammé et qu'il y a un petit grain d'amour pour qui—elle voudra supposer... etc. etc. etc.* Кстати о том... меня в Питере женили было... Слепцов¹⁰ привез эти новости, а здесь их осуществили. — Готовятся ли ваши московские невесты на выводку перед гвардейцов ... говорят, наверное, к осени они к вам нагрянут. Il faut prendre garde à la garde**. Впрочем, не нам отчаиваться, — и я со снегом, как снег на голову, полечу в ваши края. Пиши, когда придет охота, — дай подышать московскими новостями, они вдвойне утешат меня, proceeding сквозь твое перо. Поклон Бахметеву¹¹, Трубецкому¹², Шаховскому¹³. Будь счастлив.

Твой Александр

Адресат этого письма, Павел Александрович Муханов (1797—1871), родной брат декабриста Петра Муханова, повидимому, был дружески связан не только с самим Грибоедовым, но и с его семьей. По окончании Московского университета и Муравьевского училища колонновожатых Павел Муханов служил в лейб-драгунах, так что был однополчанином А. А. Бестужева¹⁴.

С юных лет Муханов увлекался историей и был всю жизнь неутомимым собирателем старых рукописей. На этой почве и происходило, очевидно, его дружеское общение с Грибоедовым.

Утверждение Д. И. Завалишина, что проездом через Москву, в конце мая 1825 г., Грибоедов виделся с Петром Мухановым, по просьбе которого делал в Киеве и в Крыму записи по истории, несомненно, следует отнести к Павлу Муханову. В мае 1825 г. Петр Муханов был на Кавказе, куда ездил из Киева, пытаясь попасть на службу к А. П. Ермолову. Пробыл он там до начала июля. Следовательно, встретиться в Москве с Грибоедовым он тогда не мог¹⁵.

Позднее Муханов посвятил себя археографии¹⁶ и был преемником А. С. Норова в должности председателя Археографической комиссии¹⁷.

В молодости Муханов вращался в кругу передовой молодежи и не только испытал влияние идей декабристов, но и был осведомлен о деятельности Тайного общества.

Выскоченное до дыры обращение в приведенном письме Бестужева к Муханову навело М. В. Нечкину на соображение: «Возможно, что тут было какое-то прозвище, которое адресату позже показалось необходимым скрыть»¹⁸.

Следует напомнить, что Н. Н. Оржицкий в своем показании Следственному комитету 10 января 1826 г. в качестве предполагаемых членов Тайного общества назвал среди других Грибоедова и двух братьев Мухановых¹⁹.

II

Следующий публикуемый документ — это записка Д. Н. Бегичева (брата ближайшего друга Грибоедова) к Я. И. Ростовцеву, любопытная прежде всего тем, что на этого предателя декабристов, еще пользовавше-

* что мое сердце пылает любовью к Москве, подобно плум-пуддингу, охваченному пламенем, и что в нем сокрыта крупинка любви, к кому — она не откажется угадать... и т. д. и т. д. и т. д. (франц.).

** Надо остерегаться гвардии (франц.). Игра слов: garde — гвардия, prendre garde — остерегаться.

гося доверием заговорщиков, возлагается забота всячески выгораживать подследственного Грибоедова:

Почтеннейший Яков Иванович.

Представьте, кому следует и кому можно, что Грибоедов осмел²⁰ и либералов и тайные сборища, о которых, вероятно, по слуху только знал. Он даже не хотел вступить в Общество любителей российской словесности под председательством Ф. Н. Глинки, опасаясь, нет ли какой политической цели. Во время бытности Грибоедова в Петербурге он избегал знакомства с Рылеевым, говорил, что он порет вздор и рассуждает о политике, как князь Енгальчев в своем лечебнике о медицине²¹ и проч. и проч. Что Грибоедов ненавидел Якубовича и стрелялся с ним²².

Надо думать, что эта не датированная Бегичевым записка была отправлена Ростовцеву после того, как арестованный Грибоедов проездом через Москву (то есть около 6—7 февраля 1826 г.) увиделся с братьями Бегичевыми²³, от которых, бесспорно, получил точные сведения о ходе дознания по делу 14 декабря и об арестах, связанных с этим процессом. Публикуемая записка — свидетельство того, что Грибоедов успел при свидании с Бегичевыми наметить тактику своей защиты на предстоящих допросах.

То обстоятельство, что Грибоедов на допросах ссылался на созданный им образ Репетилова для доказательства, что он не разделял взглядов декабристов, подтверждают воспоминания Д. И. Завалишина. «Возвратясь однажды от допроса в комитете, — пишет Завалишин, — Грибоедов сказал нам, что его „мучили“, доказывая ему на основании комедии, что он был также членом тайного общества, и что он, на том же основании, доказывал противное»²⁴.

Использовал Грибоедов и аргумент о своем долговременном нежелании вступать в Общество любителей российской словесности, правда, объясняя это не политической осторожностью, а тем, что «поэзию почитал истинным утешением» своей «жизни, а не ремеслом»²⁵.

Ход допроса, очевидно, подсказал Грибоедову отказ от намеченного в записке Бегичева утверждения, что он избегал знакомства с Рылеевым, осуждая его политические взгляды. Такое показание изобличило бы, что эти взгляды были ему известны.

Имя А. И. Якубовича Грибоедов в своих показаниях обошел совсем. Фраза о Якубовиче приписана Бегичевым в записке к Ростовцеву позже составления всей записки и, видимо, уже без участия в этом Грибоедова, уехавшего из Москвы. По мысли Бегичева, она должна была выгородить Грибоедова от подозрения в близости к Якубовичу.

III

К пребыванию Грибоедова под арестом в Петербурге относится несколько документов, извлеченных из двух дел фонда Канцелярии дежурного генерала Главного штаба е. и. в., хранящегося в Центральном государственном военно-историческом архиве. Из общего числа имеющихся здесь тринадцати грибоедовских документов семь (№№ 1, 2, 3, 7, 8, 9 и 10) уже известны полностью или частично в специальной литературе, остальные шесть (№№ 4, 5, 6, 11, 12 и 13) публикуются впервые.

Нам представляется целесообразным объединить здесь в хронологической последовательности обнаруженные нами документы с документами из того же фонда, которые уже привлекались исследователями. Это отвечает стремлению возможно точнее и нагляднее документировать пребывание Грибоедова в заточении.

1. КОПИЯ С ОТНОШЕНИЯ ВОЕННОГО МИНИСТРА И. ТАТИЩЕВА
К КОМАНДИРУ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛУ
А. П. ЕРМОЛОВУ ОТ 2 ЯНВАРЯ 1826 г. ЗА № 51

По воле государя императора покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство приказать немедленно взять под арест служащего при Вас чиновника *Грибоедова* со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром прямо к его императорскому величеству²⁶.

2. ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА В. В. ЛЕВАШЕВА К ДЕЖУРНОМУ
ГЕНЕРАЛУ ГЛАВНОГО ШТАБА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ А. Н. ПОТАПОВУ
ОТ 12 ФЕВРАЛЯ 1826 г. (ВХОДЯЩИЙ № 305)

Государь император приказать изволил коллежского асессора Грибоедова поместить в штабе по примеру прочих.

Генерал-адъютант Л е в а ш е в

12 февраля.

На записке помета: Исполнено. 12 февраля²⁷.

3. ОТНОШЕНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО КОМЕНДАНТА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА
А. Д. БАШУЦКОГО К ДЕЖУРНОМУ ГЕНЕРАЛУ ГЛАВНОГО ШТАБА
ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ А. Н. ПОТАПОВУ ОТ 13 ФЕВРАЛЯ 1826 г. ЗА № 76
(ВХОДЯЩИЙ № 289)

Стоящий в карауле на Главной гаубвахте лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитан Родзянко 3-й представил ко мне при описи вещи, отобранные им от арестованного, по высочайшему повелению, коллежского асессора Грибоедова, которые при сем к Вашему превосходительству препроводить честь имею.

Генерал-адъютант Б а ш у ц к и й

На отношении расписка Грибоедова: Вещи и деньги, мне принадлежащие, мною от капитана Жуковского приняты.

Коллежск(ий) асес(сор)

Александр Г р и б о е д о в²⁸.

4. СПИСОК ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД АРЕСТОМ В ДОМЕ
ГЛАВНОГО ШТАБА НА 14 МАРТА 1826 г.

В доме Главного штаба содержатся под присмотром

марта 14 дня 1826-го

Генерал-майор Калъм²⁹

Отстав(ной) польск(их) войск генерал-майор граф Ходкевич³⁰.

Полковники: Любимов³¹.

Граббе³².

Майор Юмин³³.

В отстав(ке) майор князь Шаховской³⁴.

Гвардии капитан Синявин³⁵.

Губери(ский) предводит(ель) князь Баратаев³⁶ — в 7 час(ов).

Лейтенант Завалишин³⁷.

Коллеж(ский) асессор Грибоедов — в 7 ч(асов).

В отстав(ке) поруч(ик) Тучков³⁸.

Дворов(ый) чело(век) г(оспо)жи Анисимов(ой) Кудинов.

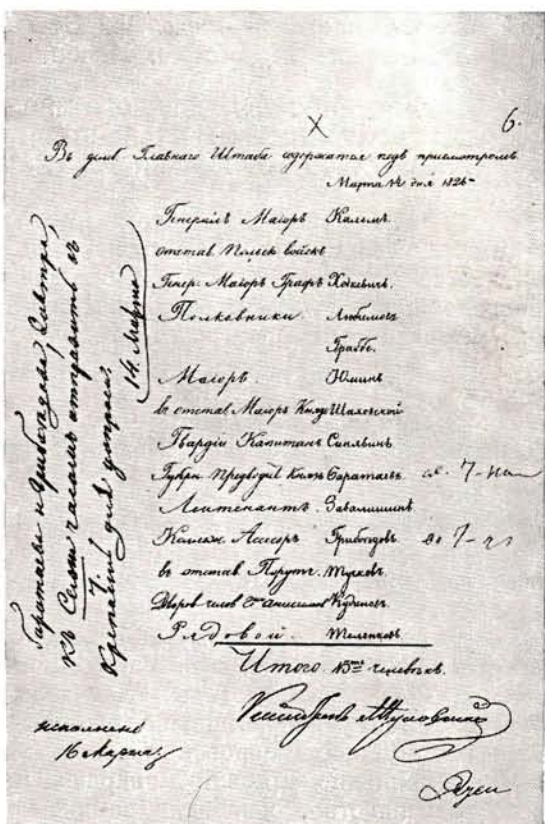
Рядовой Теленков.

Итого 13 человек.

Капитан Ж у к о в с к и й

СПИСОК ЛИЦ, СОДЕРЖАВШИХСЯ
НА 14 МАРТА 1826 г. ПОД АРЕСТОМ
В ПОМЕЩЕНИИ ГЛАВНОГО
ШТАБА. СРЕДИ АРЕСТОВАННЫХ
УКАЗАН А. С. ГРИБОЕДОВ

Центральный военно-исторический
архив, Москва

На письме пометы — рукой А. Н. Потапова: Исполнить 16 марта и рукой капитана Жуковского: Исполнено 16 марта⁴¹.

7. ПРЕДПИСАНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА А. И. ТАТИЩЕВА
ДЕЖУРНОМУ ГЕНЕРАЛУ ГЛАВНОГО ШТАБА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ
А. Н. ПОТАПОВУ ОТ 2 ИЮНЯ 1826 г. ЗА № 768 (ВХОДЯЩИЙ № 899)

Секретно

Покорнейше прошу Ваше превосходительство, по освобождении из-под ареста содержавшегося при Главном штабе коллежского асессора Грибоедова, приказать представить его г<осподину> начальнику Главного штаба его императорского величества при офицере.

Военный министр Т а т и щ е в

На предписании пометы — рукой А. Н. Потапова: Исполнить г<осподину> С. А. Яковлеву 2 июня и рукой капитана Жуковского: Исполнено 2-го июня⁴².

8. ПРЕДПИСАНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА А. И. ТАТИЩЕВА ДЕЖУРНОМУ
ГЕНЕРАЛУ ГЛАВНОГО ШТАБА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ А. Н. ПОТАПОВУ
ОТ 2 ИЮНЯ 1826 г. ЗА № 765 (ВХОДЯЩИЙ № 900)

Государь император высочайше повелеть соизволил освободить с аттестатом содержащегося при Главном штабе под арестом коллежского асессора Грибоедова, который был взят по подозрению в принадлежности к тайному злоумышленному обществу, но по исследованию оказался к тому неприкосновенным.

Во исполнение таковой монаршей воли покорнейше прошу Ваше превосходительство, освободив из-под ареста упомянутого Грибоедова, приказать ему явиться в высочайше учрежденную Комиссию для изыскания о злоумышленном обществе для получения надлежащего аттестата.

Военный министр Т а т и щ е в

На отношении помета рукой капитана Жуковского: Исполнено. 2 июня⁴³.

9. КОПИЯ ОТНОШЕНИЯ ДЕЖУРНОГО ГЕНЕРАЛА ГЛАВНОГО ШТАБА
А. Н. ПОТАПОВА К ВОЕННОМУ МИНИСТРУ А. И. ТАТИЩЕВУ
ОТ 3 ИЮНЯ 1826 г. ЗА № 966

Вследствие поручения г<осподина> начальника Главного штаба его величества, прошу покорнейше Ваше высокопревосходительство доставить ко мне список всем освобожденным на сих днях из-под ареста чиновникам по делу о злоумышленном обществе.

Список сей нужен для представления их в будущее воскресенье государю императору.

Генерал-адъютант П о т а п о в⁴⁴

10. ОТНОШЕНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА А. И. ТАТИЩЕВА К ДЕЖУРНОМУ
ГЕНЕРАЛУ ГЛАВНОГО ШТАБА А. Н. ПОТАПОВУ ОТ 4 ИЮНЯ 1826 г. ЗА № 781
(ВХОДЯЩИЙ НОМЕР № 935 ОТ 6 ИЮНЯ 1826 г.)

Секретно

Вследствие отношения Вашего превосходительства № 966 имею честь уведомить, что 4-го числа сего июня освобождены по высочайшему повелению из-под ареста содержавшиеся по делу о злоумышленном обществе

нижеследующие лица: л(ейб)-г(вардии) Конного полка: поручик князь Голицын⁴⁵, корнет Плещеев 2-й⁴⁶, отставной подполковник Михаил Николаев сын Муравьев⁴⁷, коллежский ассессор Грибоедов, поручик конно-артиллерийской № 6 роты Врангель⁴⁸ и служащий в Департаменте внешней торговли надворный советник Семенов⁴⁹.

Военный министр Татищев⁵⁰

11. КОПИЯ ОТНОШЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО ШТАБА
БАР. И. И. ДИБИЧА К МИНИСТРУ ЮСТИЦИИ КН. Д. И. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ ОТ 8 ИЮНЯ 1826 г. ЗА № 1020

Государь император всемилостивейше соизволил ведомства Государственной коллегии иностранных дел коллежского ассессора Грибоедова пожаловать в следующий чин.

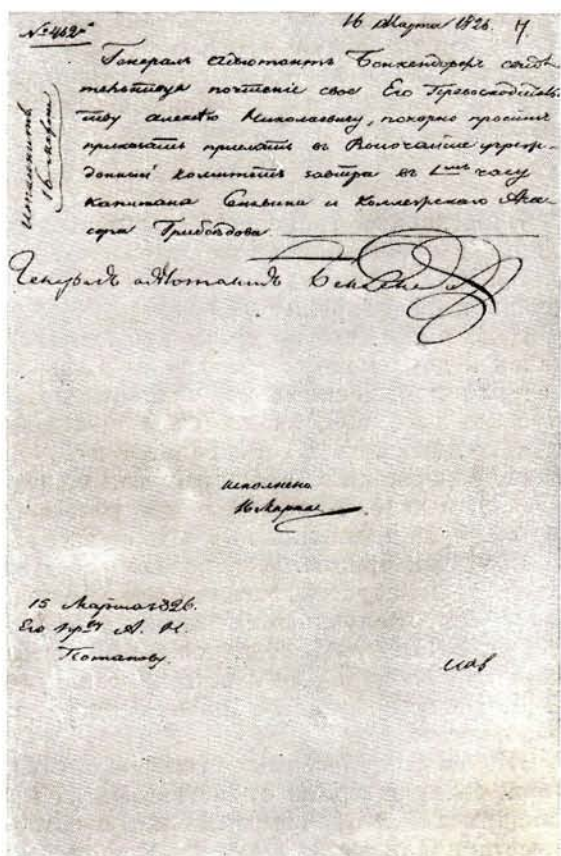
Сию высочайшую государя императора волю имею честь сообщить Вашему сиятельству для предложения правительствующему Сенату.

Начальник Главного штаба Дибич⁵¹

12. ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО ЧИНОВНИКА В. ПОЛЯКОВА К ДЕЖУРНОМУ
ГЕНЕРАЛУ ГЛАВНОГО ШТАБА А. Н. ПОТАПОВУ ОТ 8 ИЮНЯ 1826 г.
ЗА № 4054

Милостивый государь Алексей Николаевич!

На записку Вашего превосходительства от 6-го числа сего июня под № 1620-м имею честь ответить, что коллежскому ассессору

ОТНОШЕНИЕ А. Х. БЕНКЕН-
ДОРФА К ДЕЖУРНОМУ ГЕНЕ-
РАЛУ ГЛАВНОГО ШТАБА
А. Н. ПОТАПОВУ ОТ 15 МАРТА
1826 г. С ВЫЗОВОМ А. С. ГРИБО-
ЕДОВА 16 МАРТА НА ДОПРОС
В СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
Центральный военно-исторический
архив, Москва

Грибоедову, числящемуся при главноуправляющем Грузиею, производится жалованья по двести пятидесяти червонных голландских в год.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностью Вашего превосходительства покорнейшим слугою

В. Поляков⁵²

К письму на отдельном сложенном вдвое полулисте приложена справка, написанная рукой Грибоедова:

С 1822 года с января ** числа служу в Восточном департаменте в чине коллежского асессора, жалования получаю 250 червонцев, за выслугу лет должен был быть представлен к чину.

Живу в Военно-счетной экспедиции в доме Энгельмана у А. А. Жандра⁵³.

13. КОПИЯ ОТНОШЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО ШТАБА

БАР. И. И. ДИБИЧА В КАБИНЕТ ЕГО ИМП. ВЕЛИЧЕСТВА ОТ 10 ИЮНЯ 1826 г.

ЗА № 1023

Государь император всемилостивейше пожаловать соизволил нижепоименованным офицерам и чиновникам невзачет годовое их жалованье: лейб-гвардии Конного полка поручику князю Голицыну 780 рублей и корнету Плещееву 2<-му> 690 рублей, конно-артиллерийской № 6 роты поручику Врангелю 690 рублей, служащим: в Министерстве иностранных дел коллежскому асессору Грибоедову 250 червонных <рублей>, в Министерстве финансов надворному советнику Семенову 1500 р<ублей> ассигнациями.

Высочайшую волю сию сообщая Кабинету его величества, покорнейше прошу причитающуюся сумму три тысячи шестьсот шестьдесят рублей ассигнациями и двести пятьдесят червонных приказать отпустить под расписку экзекутора и казначея Инспекторского департамента 5-го класса Гошата.

Начальник Главного штаба Д и б и ч⁵⁴

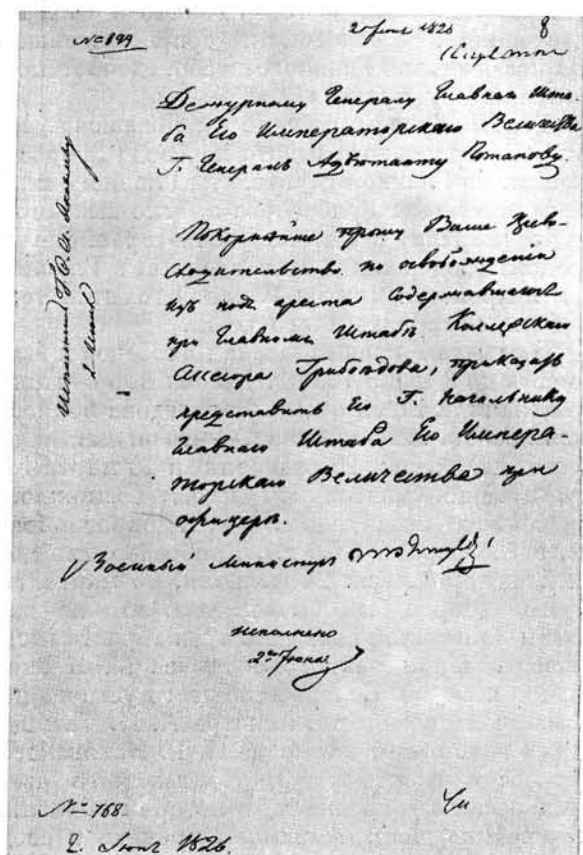
Приведенные тринадцать документов уточняют некоторые даты, связанные с пребыванием Грибоедова под следствием. Прежде всего выясняется дата первого допроса, который до сих пор относили предположительно к 11 февраля⁵⁵.

Дело в том, что во время пребывания под арестом Грибоедов содержался в двух местах: сначала на Главной гауптвахте Главного штаба, а затем в помещении самого Главного штаба, в одной из комнат, которая служила приемной, кабинетом и спальней начальника штаба 1-й Армии генерал-адъютанта К. Ф. Толя. Здесь, вследствие переполнения крепости, содержались арестованные, менее замешанные, по мнению следователей, в деле. Канцелярия дежурного генерала Главного штаба была местом, куда доставлялись с петербургских застав арестованные в других городах декабристы. Исключение составляли (до 23 января 1826 г.) только те декабристы, которые конвоировались жандармскими и другими офицерами, получившими приказание везти арестованных прямо во дворец. 23 января 1826 г. дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов отношением своим петербургскому коменданту генерал-адъютанту А. Д. Башуцкому за № 189 изменил порядок следования арестованных декабристов:

«Из числа привозимых сюда арестантов те, которых привозят фельдъегери, следуют прямо от застав ко мне, прочих же, при коих находятся жандармские и прочие офицеры, вследствие данных им при отправлении с места приказаний, везут нередко прямо во дворец. По сему случаю,

ПРЕДПИСАНИЕ ВОЕННОГО
МИНИСТРА А. И. ТАТИЩЕВА
ОТ 2 ИЮНЯ 1826 г. ДЕЖУР-
НОМУ ГЕНЕРАЛУ ГЛАВНОГО
ШТАБА А. Н. ПОТАПОВУ ОБ
ОСВОБОЖДЕНИИ А. С. ГРИ-
БОЕДОВА ИЗ-ПОД АРЕСТА

Центральный военно-исторический
архив, Москва

вследствие поручения начальника Главного штаба его величества, прошу покорнейше Ваше превосходительство сделать распоряжение Ваше, чтоб, как фельдъегери, так и все офицеры военные и полицейские, привозящие сюда арестантов, отправляемы были с ними от заставы с казаками прямо в мою канцелярию, а отнюдь не во дворец. Дежурный генерал Потопов»⁵⁶.

Следовательно, привезенный 11 февраля 1826 г. в Петербург с фельдъегерем Грибоедов от заставы должен был быть доставлен не в Зимний дворец, а в канцелярию Главного штаба, откуда А. Н. Потопов в тот же день и отправил его к А. Д. Башуцкому «для содержания на Главной гауптвахте»⁵⁷. Очередность последующих событий указал сам Грибоедов в письме от 15 февраля 1826 г. к Николаю I, где он сообщал, что, будучи привезен в Петербург на перекладных, был «посажен под крепкий караул, потом был позван к генералу Левашеву...»⁵⁸. Публикуемая записка В. В. Левашева от 12 февраля 1826 г. (№ 2) прежде всего свидетельствует о состоявшемся в этот день разговоре его с Грибоедовым, после чего Левашев пришел к выводу, что Грибоедов, как менее замешанный в деле, может быть помещен не в крепость, а в здание Главного штаба. Разумеется, без разговора с Грибоедовым Левашев к такому выводу прийти не мог. Тот факт, что Левашев писал к Потопову от имени Николая I, свидетельствует, что допрос Грибоедова происходил в Зимнем дворце и, надо полагать, для него в этом отношении никаких исключений сделано не было. Неофициальная форма записки Левашева от 12 февраля 1826 г., написанной на сложенной осьмушке бумаги, не имеющей исходящего

номера, указывает на то, что записка была послана не через канцелярию, а, очевидно, с человеком, сопровождавшим Грибоедова из Зимнего дворца в здание Главного штаба, где Потапов и должен был его поместить «по примеру прочих»⁵⁹.

Таким образом, из записки Левашева устанавливается и дата первого допроса Грибоедова и дата перевода Грибоедова, после допроса его Левашевым, из Главной гауптвахты Главного штаба в здание Главного штаба. Этим переводом Грибоедова и было вызвано отношение Башуцкого (№ 3, от 13 февраля) к Потапову об отправке ему вещей, отобранных у Грибоедова. Содержание арестованных в Главном штабе было менее строгим, чем в крепости или на Главной гауптвахте; именно поэтому Грибоедову и были возвращены его вещи.

В здании Главного штаба Грибоедов просидел до своего освобождения, то есть до 2 июня 1826 г. До сих пор считалось — в полном соответствии с сохранившимися в деле Грибоедова вопросными пунктами и датированными ответами Грибоедова, — что он вызывался в Следственную комиссию⁶⁰ всего два раза: 24 февраля и 15 марта 1826 г.⁶¹ На основании публикуемых документов мы имеем возможность утверждать, что, помимо указанного выше первого его допроса Левашевым (происходившего не 11, а 12 февраля 1826 г.), Грибоедов был допрошен Следственной комиссией еще *три* раза: 24 февраля, 15 марта (№№ 4 и 5) и 16 марта (№ 6)⁶². Третий допрос был вызван тем, что на важнейшие для следствия вопросы о киевском свидании с декабристами летом 1825 г. и о возможности существования тайного общества на Кавказе Грибоедов отвечал сдержанно и скупно. Содержание этого устного допроса Грибоедова уясняется из записки военного министра А. И. Татищева на имя Николая I. В записке говорится, что после П. Г. Каховского и Е. П. Оболенского члены Комиссии *слушали*: «3) Коллежского асессора *Грибоедова*: согласны с словесным показанием, в котором объявил, что в Грузии никакого Сухачева⁶³ не знал. *Положили*: принять к сведению»⁶⁴. В этом же заседании 16 марта 1826 г. был допрошен вызванный вместе с Грибоедовым Н. Д. Сенявин (№ 6)⁶⁵.

Ответы Грибоедова, вероятно, не удовлетворили Следственную комиссию, так как представление Николаю I об освобождении Грибоедова было возобновлено только 31 мая 1826 г.⁶⁶

Публикуемый нами документ № 7 сообщает фамилию плац-адъютанта С. А. Яковлева, в сопровождении которого Грибоедов был представлен 2 июня 1826 г., по освобождении из-под ареста, начальнику Главного штаба Дибичу. Из документа № 12 мы узнаем, что Грибоедов сразу же после освобождения из-под ареста жил у своего друга А. А. Жандра который не только прятал у себя после восстания 14 декабря А. И. Одоевского, но в ходе следствия над Грибоедовым помогал последнему деньгами и участвовал в передаче Грибоедову сведений с воли. До сих пор было известно со слов Булгарина, что в это время (8 июня 1826 г.) Грибоедов находился на даче Булгарина, «в уединенном домике на Выборгской стороне, видался только с близкими людьми»⁶⁷. Отныне это утверждение Булгарина следует или признать неверным, или отнести к более позднему времени.

IV

Новый документ, обнаруженный в бумагах начальника Главного штаба Дибича, характеризует взаимоотношения Грибоедова с А. П. Ермоловым. Это — записка, которая принадлежит управляющему III Отделением М. Я. Фон Фоку и написана им собственноручно (автор установлен по почерку). Предназначалась она для Дибича. Записки

аналогичного характера, обобщающие донесения агентов, всегда писались Фон Фоком собственноручно и обычно не имели подписи. Они передавались через Бенкендорфа Дибичу, который по своему усмотрению мог представлять их для прочтения Николаю I. Такой порядок прохождения агентурных отчетов Фон Фока сохранялся до смерти Дибича в 1831 г.

Записка Фон Фока, датируемая, на основании пометки Дибича, 24 октября 1826 г., составлена по донесению агента, беседовавшего о Ермолове с приезжавшим в Петербург его адъютантом Иваном Дмитриевичем Талызиным. Основная часть записки составлена в форме рассказа Талызина, записанного впоследствии агентом. Сообщаемые в рассказе сведения тем более заслуживают внимания, что Талызин — человек, не только близкий к Ермолову: он находился в дружеских отношениях и с Грибоедовым. Именно Талызин, по свидетельству Дениса Давыдова и Н. В. Шимановского, был в числе лиц, помогавших Грибоедову перед арестом уничтожить компрометирующие бумаги⁶⁸.

〈ЗАПИСКА М. Я. ФОН ФОКА О ЕРМОЛОВЕ И ГРИБОЕДОВЕ〉

24 октября (1826 г.)

К свед(ению). К очер(едному) до(кладу) *

Вот что узнать можно было от веры достойного человека, насчет пребывания здесь *Талызина* **, который уже десять дней, как уехал обратно.

Списываются собственные слова рассказа:

«Я изучал характер *Ермолова* ** как лица исторического и нахожусь в приятельских связях с весьма близкими к нему особами. На Ермолова никто не имеет влияния, кроме его собственного самолюбия. Он некоторым своим любимцам позволяет говорить себе *иногда* правду и даже требует этого — но *никогда* не следует их советам. Чем умнее человек, находящийся при нем, тем он менее следует его влиянию, чтобы не сказали, что им управляют. Таким образом сбыл он с рук нынешнего бессарабского губернатора Тимковского, который утруждал его своими планами и советами. Более всех Ермолов любит Грибоедова за его необыкновенный ум, фанатическую честность, разнообразность познаний и любезность в обращении. Но сам Грибоедов признавался мне, что *Сардарь-Ермулу*, как азиаты называют Ермолова, упрям, как камень, и что ему невозможно вложить какую-нибудь идею. Он хочет, чтобы все происходило от него и чтобы окружающие его повиновались ему безусловно. Отчасти Ермолов и прав, ибо в отдаленном крае, который всегда на неприятельской ноге, будучи всегда окружен шпионами горных народов и владельцев азиатских областей, малейший вид, что кто-нибудь действует умом на Сардаря-Ермулу, унижает его в глазах азиатцев. Ермолов имеет необыкновенный дар привязывать к себе близких к нему людей, и привязывать безусловно, как рабов. Они знают слабости его и недостатки, но любят его. В шутку Ермолов разделяет своих приближенных на две части: одних называет *моя собственность*, а других — *моя личная безопасность*. *Первые* суть те, которым он делает поручения, а иногда доверенности; *вторые* — удальцы и наездники, вроде Якубовича. Он так величает их и в письмах. Офицеры и солдаты весьма любят Ермолова за весьма малые вещи: он позволяет солдатам на переходах и вне службы ходить

* Карандашные пометы: 24 октября. К свед(ению). К очер(едному) до(кладу) — сделаны рукой Дибича. Год — 1826 — проставлен карандашом в левом нижнем углу первой страницы записки. — Ред.

** Фамилии подчеркнуты карандашом, вероятно Дибичем. — Ред.

в шароварах и широком платье, офицерам — в фуражках и кое-как; мало учит и восхищает своими *bons-mots* *. В нужде делится последним. Важная добродетель Ермолова, что он не корыстолюбив и не любит денег. Оттого статские чиновники не любят его и, хотя он не весьма бдительно истребляет лихоимство и злоупотребления, но зато, если откроет, беда! и его боятся, как огня. *Талызин*, по своему положению при Ермолове и по сведениям, не мог иметь других поручений, как *поразнухать*, что говорят о нем здесь и как судят. Кажется, он поехал отсюда не с весьма благоприятными известиями. Известно, что Ермолова публика обвиняет в одном: зачем не знал о нападении персов, другие обвиняют в многом, но каждый человек имеет своих друзей и врагов; первые смотрят на ошибки в *уменьшительное*, другие — в *увеличительное* стекло. Средине есть истина»⁶⁹.

В публикуемой записке представляет особенный интерес сообщение о неудавшемся стремлении Грибоедова внушить Ермолову некую идею, которая, повидимому, как всякая попытка повлиять на него, задевала в какой-то степени самолюбие Ермолова. О содержании этой идеи едва ли представится возможность сказать что-либо определенное до того, как будет тщательно разработан вопрос о позиции самого Ермолова накануне восстания 14 декабря⁷⁰. Любопытно и указание Талызина (по словам агента) на декабриста Якубовича (вспомним, что это говорилось в октябре 1826 г.), как на одного из людей, которым Ермолов доверял свою личную безопасность. Не лишено интереса и предположение агента о цели приезда Талызина в Петербург: Ермолова мог интересовать вопрос об отношении к нему в Петербурге в связи с позицией, занятой им во время восстания, и военными действиями против персов.

V

Следующая группа публикуемых документов состоит из трех анонимных записок, относящихся к 1828—1831 гг. и написанных собственноручно М. Я. Фон Фоком (автор установлен по почерку). Первая записка обнаружена при разборке 1-го секретного архива III Отделения среди бумаг, оставшихся после смерти Бенкендорфа (1844). Вторая записка — черновик агентурного обзора — найдена в бумагах, оставшихся после смерти Фона Фока (27 августа 1831 г.). Третья записка, представленная Фон Фоком Бенкендорфу и через него — К. В. Нессельроде, обнаружена в делах 1-й экспедиции III Отделения.

Первая записка по времени относится к концу апреля 1828 г. и отражает «рассуждения и толки» в Петербурге по поводу указа Николая I Сенату от 25 апреля 1828 г., согласно которому Грибоедов был назначен полномочным министром в Персию.

〈ЗАПИСКА М. Я. ФОН ФОКА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРИБОЕДОВА В ПЕРСИИ〉

Возвышение Грибоедова на степень посланника произвело такой шум в городе, какого не было ни при одном назначении. Все молодое, новое поколение в восторге. Грибоедовым куплено тысячи голосов в пользу правительства. Литераторы, молодые способные чиновники и все умные люди торжествуют. Это победа над предрассудками и рутиной. «Так Петр Великий, так Екатерина создавали людей для себя и отечества», — говорят в обществах. Возвышение Дашкова⁷¹ и Грибоедова (при сем вспоминают о Меншикове⁷², Сухтелене⁷³ и других способных людях,

* остротами (франц.).

заброшенных в прежнее время⁷⁴) почитают залогом награды дарованиям, уму и усердию к службе. Должно прибавить, что Грибоедов имеет особенный дар привязывать к себе людей своим умом, откровенным, благородным обращением и ясною душою, в которой пылает энтузиазм ко всему великому и благородному. Он имеет толпы обожателей везде, где только жил, и Грибоедовым связаны многие люди между собою. Приобретение сего человека для правительства весьма важно в политическом отношении. Натурально, что при сем случае появилось много завистников, но это — глас, воющий в пустыне. Вообще теперь раскрыта важная истина, что человек с дарованием может всего надеяться

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ. 12 ФЕВРАЛЯ 1826 г. ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИЛ ПЕРВЫЙ ДОПРОС
А. С. ГРИБОЕДОВА ГЕНЕРАЛОМ В. В. ЛЕВАШЕВЫМ

от престола, без покровительства баб и не ожидая, пока преклонность лет делает его неспособным к службе, когда длинный ряд годов выведет его в министры. Везде кричат: «Времена Петра!»⁷⁵

Эта записка составлена Фон Фоком в расчете на то, что ее прочтет Николай I, который, ознакомься с ней, должен был представить, что назначение Грибоедова в Персию расценивается в городе не как удаление из России⁷⁶ (как это было в действительности: сам Грибоедов рассматривал свое назначение именно как политическую ссылку)⁷⁷, а как воздаяние должного человеку с дарованиями, как политический шаг, благожелательно настраивающий по отношению к правительству молодое поколение. Николай I, прочтя записку, должен был утвердиться в мнении, что в обществе «все умные люди» отдадут предпочтение его царствованию перед царствованием Александра I.

Публикуемая записка, как и другие записки Фон Фока, представляет значительный интерес, так как в ней обобщались сведения, поступавшие к нему от многочисленных, работавших во всех слоях населения

агентов. После 14 декабря политический контроль в стране должен был осуществляться более тонкими методами, чем применявшиеся до того. Фон Фок и являлся вполне пригодным для этого лицом. Он возглавлял Особенную канцелярию министра внутренних дел, которая была предшественницей III Отделения и существовала с 25 июня 1811 г., сначала как Особенная канцелярия при министре полиции, а с 4 июня 1819 г. — при министре внутренних дел. С 3 июля 1826 г. она была преобразована в III Отделение⁷⁸. Анонимный автор комментария к публикации донесений Фона Фока Бенкендорфу за июль — сентябрь 1826 г. пишет: «Директором канцелярии III-го отделения собственной его величества канцелярии назначен был человек», имевший «обширное знакомство и связи в высшем обществе Петербурга», которые «давали ему возможность видеть и знать, что делалось и говорилось в среде тогдашней аристократии, в литературных и прочих кружках населения столицы»⁷⁹.

Вторая публикуемая в данном разделе записка Фона Фока написана не ранее середины 1830 г., когда происходили отраженные в ней события, и не позже 27 августа 1831 г. (дата смерти Фона Фока, в бумагах которого записка и обнаружена). Подлинник на французском языке*. Приводим из него отрывок:

«...Литераторы, замеченные в антимонархическом направлении и в духе отрицания, сплотились в союз под руководством Жуковского и князя Вяземского. Их перья никогда ни слова не написали в пользу правительства и, когда несколько новых адептов сделали попытку сочинить оды во славу последней кампании, они их высмеяли и не пропустили в печать. Не будем касаться некоторых частных, которые могли бы служить этому подтверждением.

Начавший свою литературную карьеру под покровительством Вяземского, редактор „Телеграфа“ Полевой, позволил себе в свое время напечатать несколько статей, противоречащих видам правительства. За это именно взятый на замечание, после нескольких дней пребывания в Петербурге одумался и, вступив в дружеские отношения кое с кем из наших благонамеренных авторов, совершенно изменил тон. Он публично признался в этом в своем журнале, сказав, что Вяземский плохо влиял на него. Но сразу после его обращения партия начала его всячески преследовать и дискредитирует его до настоящего времени.

Первые дни после ареста Греча и Булгарина партия попыталась сбросить маску. Окружали вниманием эти так называемые литературные жертвы, чтобы завладеть ими. Но, встретив чрезмерную холодность и опасность, недавно только от них отступились и теперь с новой силой начнут разыгрывать с ними шутки и создавать им настоящие неприятности до тех пор, пока они будут писать в правительственном духе.

Совершенно то же происходило, когда существовал Союз Благочестия **.

Оппозиция в Москве, многочисленные посещения арестованного цензора, сборища у тех шалунов, которые были наказаны за то, что учинили шум в театре, громкие возгласы против правительства подтверждают предположение, что Союз не уничтожен, но продолжает существовать, хотя и без объединяющего центра. Покойный Грибоедов, беседуя со мной, говорил мне, что заговорщики, находившиеся в свое время в крепости, считая его своим сообщником, сказали ему, что великая тайна умерла вместе с Пестелем и Муравьевым.

* Перевод этого и других французских текстов в настоящей публикации выполнен Е. Н. Рунич.

** Слова: Союз Благочестия написаны по-русски.

Не подлежит, стало быть, сомнению, что существует большая партия недовольных, мечтающих о перемене образа правления в России, но единодушными распростирают свое влияние различным образом, различными способами, однако без организационного ядра. Одни волнуются в политическом смысле, другие облачаются плащом так называемого патриотизма. Люди с весом ищут поддержки в мнимом содействии Варшавы, а мелкие чиновники опираются на влияние тех, кто держит власть в своих руках»⁸⁰.

В этой записке Фон Фок отмечает резкий антагонизм, разобщивший в конце двадцатых годов деятелей русской литературы и расколовший их на две группы — передовую и реакционную, «благонамеренную» в понимании Фон Фока. Касается он и проявления обеих группами отношения к турецкой войне 1828—1829 гг. Точка зрения официозного лагеря была выражена в словах Булгарина: «...Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир, и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов, и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными»⁸¹. Представители передовой русской литературы считали, что завоевательная война 1828—1829 гг. не является делом национальным, каким была война 1812 г. Эта точка зрения и родила противодействие Пушкина критике, ждавшей от него песен во славу русского оружия⁸². Отразилась она и в замечании Вяземского в одном из его писем: «У нас ничего общего с правительством быть не может. Je n'ai plus ni chants pour toutes ses gloires, ni larmes pour tous ses malheurs»⁸³.

Характеризуя деятельность Полевого, Фон Фок останавливается на первом периоде ее в «Московском телеграфе», стяжавшем Полевому кличку «журнального Дантона». Этот период отмечен статьями, ниспровергавшими установившиеся в литературе авторитеты. Особенно на шумела статья 1829 г., направленная против Карамзина. «Статьи, противоречащие видам правительства», хорошо были известны Фон Фоку по доносам на Полевого, поступавшим с 1827 г. в III Отделение⁸⁴.

Слова Фон Фока о травле Полевого антимонархически настроенными литераторами являются официозной интерпретацией журнальной полемики по поводу «Истории русского народа» Полевого между «Московским вестником» и «Литературной газетой», с одной стороны, и «Московским телеграфом», блокировавшимся с «Сыном отечества» и «Северной пчелой», — с другой.

Греч и Булгарин были арестованы за статью с резкими выпадами против Загоскина, появившуюся 30 января 1830 г. в № 13 «Северной пчелы». Эта статья была выпущена после того, как Николай I через Бенкендорфа предложил Булгарину умерить непристойный тон его критики по адресу Загоскина. Арестом Греча и Булгарина преследовались две цели: припугнуть издателей «Северной пчелы» (поэтому они тут же и были выпущены⁸⁵) и пресечь широко распространившуюся молву об их связи с III Отделением и вызванной этим безнаказанности.

Переходя к проявлениям оппозиции в Москве, Фон Фок вспоминает арест цензора С. Н. Глинки, посаженного в середине 1830 г. на гауптвахту за то, что он пропустил в альманахе «Денница» элегию Серафимы Тепловой на смерть утотившегося студента: эта элегия была истолкована как стихи, посвященные памяти Рылеева. Арест Глинки, бывший закономерным следствием нового цензурного устава 1828 г., вызвал бурный общественный протест, вылившийся в настоящую демонстрацию. У Глинки за три дня перебивало около трехсот посетителей с И. И. Дмитриевым во главе⁸⁶, чем и возмущается Фон Фок.

* У меня нет более ни песен для его славы, ни слез для его несчастий (франц.).

Слова декабристов: «великая тайна умерла вместе с Пестелем и Муравьевым», — сказанные Грибоедовым Фон Фоку, в сопоставлении с догадками Фон Фока о том, что Тайное общество до конца не уничтожено и единомышленники декабристов продолжают существовать, могут быть поняты в том смысле, что со смертью вождей Южного общества потеряны лишь нити, тянувшиеся с мест к организационному центру. Слова о «великой тайне» могли быть услышаны Грибоедовым от сосланных на Кавказ декабристов; можно допустить, что еще до восстания Грибоедов, находившийся в дружеских отношениях со многими видными членами Северного общества, немало знал о связях тайных обществ с представителями высших чиновных кругов в Петербурге. В этом случае ссылка на казенных была лишь облеченным в дипломатическую форму ответом на вопрос Фон Фока, — ответом, скрывающим связи, о которых Грибоедов мог знать или догадываться.

Беседа Грибоедова с Фон Фоком могла происходить только во время пребывания Грибоедова в Петербурге (14 марта — 5 июня 1828 г.), куда он приехал после заключения Туркманчайского мира. Именно в это время Фон Фока интересовал вопрос о связях Тайного общества. По доносу Булгарина, для выяснения этих связей был спешно привезен из Нерчинска А. О. Корнилович и 15 февраля 1828 г. посажен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где ему 18 февраля были предложены первые вопросные пункты.

Третья записка Фон Фока — «Разные рассуждения и толки между короткими друзьями Грибоедова» — основана на содержании писем, полученных от Грибоедова Булгариным, активно сотрудничавшим в III Отделении. Записка составлена 22 марта 1829 г. (повидимому, в день получения III Отделением известия о гибели Грибоедова); копия с этой записки в тот же день была препровождена министру иностранных дел Нессельроде:

РАЗНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ И ТОЛКИ МЕЖДУ КОРОТКИМИ ДРУЗЬЯМИ ГРИБОЕДОВА

В последнем письме несчастного Грибоедова из Тавриса в Петербург к друзьям находятся следующие строки: «Наблюдаю, чтоб отсюда не произошла какая-нибудь *предательская мерзость* во время нашей схватки с турками. Внимаю контрибуцию довольно успешно. Друзей не имею никого и не хочу. Должно прежде всего заставить бояться России и исполнять то, что велит государь Николай Павлович, и уверяю вас, что в этом я поступаю лучше, чем те, которые бы желали действовать мягко и втираться в персидскую бездушную дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали *Сахтгир*, т. е. твердое сердце. К нам перешло 8 т<ысяч> армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя; однако охраняю их достояние и даже доходы, все кое-как делается по моему слову».

Вот некоторое объяснение той ненависти, которую возымели к Грибоедову персидские чиновники и двор, желавшие отсрочить уплату контрибуции, удержать выдачу имущества выходцев и даже воспрепятствовать выходцам свободный пропуск в Россию.

Один друг Грибоедова, пред которым сей последний не имел ничего тайного и поверял все свои мысли и чувства, часто с ним разговаривал о делах персидских, и вот что он слышал от Грибоедова пред его отъездом.

Против Аббаса-мирзы⁸⁷ есть сильная партия при дворе, которая хотела бы удалить его от наследства престола. Эта партия боится, чтоб Россия не покровительствовала Аббасу-мирзе, и потому старалась и будет стараться всегда очернять его пред российским двором. Назначение

в Персию посланником приятеля Аббаса-мирзы или, по крайней мере, человека, который знает все интриги двора, не могло быть приятным этой партии, и она будет стараться по возможности вредить послу. Но как персияне подлы и трусы, то одною твердостью можно удержать их в узде. Вот как говорил покойный Грибоедов.

Один член английского посольства в Персии, выехавший почти в одно время с Грибоедовым из Петербурга, говорил ему в присутствии друга: «Берегитесь! вам не простят Туркманчайского мира!»— И так многие заключают, что Грибоедов есть жертва политической интриги⁸⁸.

Как уже говорилось, копия с публикуемой записки Фон Фока в пятницу, 22 марта 1829 г., была отослана Бенкендорфом министру иностранных дел Нессельроде. В тот же день был получен ответ Нессельроде (подлинник на французском языке):

Я возвращаю Вам, любезный друг, суждения несчастного Грибоедова. Его друзья, приводя их для его оправдания, не проявляют большой прозорливости. Они должны производить впечатление совершенно противоположное и доказывают, что, несмотря на несколько лет, проведенных в Тавризе, и беспрестанные столкновения с персами, он плохо узнал и плохо оценил народ, с которым имел дело.

Тысяча приветствий

Пятница.

Нессельроде⁸⁹

Записка Фон Фока «Разные рассуждения и толки между короткими друзьями Грибоедова», составленная на основании выдержки из письма

ЗДАНИЕ ГЛАВНОГО ШТАБА.
ЗДЕСЬ С 11 ФЕВРАЛЯ ПО
2 ИЮНЯ 1826 г. СОДЕРЖАЛСЯ
ПОД АРЕСТОМ А. С. ГРИБОЕДОВ

Грибоедова к В. С. Миклашевич и разговоров самого Булгарина с Грибоедовым, интересна не только как свидетельство того, что поступавшие от Грибоедова известия Булгарин представлял в III Отделение. В записке Фон Фока и в письме Нессельроде от 22 марта 1829 г. выражены *два противоположных* мнения о причинах гибели Грибоедова, причем первое мнение основано, несомненно, на подлинных письмах Грибоедова; второе состоит в желании объяснить разгром русской миссии в Тегеране поведением самого Грибоедова. Последнее толкование восходит непосредственно к Николаю I.

Первая версия о причине гибели Грибоедова указывает вполне определенно на недовольство персидских чиновников неукоснительным взиманием контрибуции на основании Туркманчайского договора и на происки англичан в Персии, раздраженных льготными для России условиями Туркманчайского мира. Короче говоря, первая версия, содержащаяся в составленной Фон Фоком записке, объясняет смерть Грибоедова как следствие соединенных англо-персидских политических интриг против России. Эта версия подтверждается изучением и других документов, в частности донесений Грибоедова Паскевичу о ходе взимания контрибуции, а также изучением инструкции самого Нессельроде, которая была дана Грибоедову для руководства 1 мая 1828 г. Грибоедову предлагалось взыскать к определенному сроку не только $\frac{8}{10}$ всей наложенной контрибуции, но и оставшиеся два курура туманов (4 миллиона рублей серебром), причитавшиеся лично с Аббас-мирзы⁹⁰. Выполняя эту инструкцию, Грибоедов не мог не вызвать недовольства персидских чиновников. Относительно участия англичан в провоцировании убийства в Тегеране говорил Паскевич (не имея еще в руках донесения И. С. Мальцева от 18 марта) в письме к Нессельроде от 20 февраля 1829 г.: «Можно предполагать, что англичане не вовсе были чужды участия в возмущении, вспыхнувшем в Тегеране, хотя, может быть, они не предвидели пагубных последствий оного (ибо они неравнодушно смотрели на перевес нашего министерства в Персии и на уничтожение собственного их влияния)»⁹¹.

На неприязненное отношение англичан к Грибоедову указывал и оставшийся в живых первый секретарь посольства И. С. Мальцев в донесении к Паскевичу из Тавриза от 4 июня 1829 г.: «...Я достоверно узнал, что по прибытии сюда тела покойного нашего посланника, никто из англичан не выехал ему навстречу. По их настоянию тела не ввезли в город Тавриз, а поставили в маленькой загородной армянской церкви, которой также никто из англичан не посетил. От Наиб-султана не было оказано телу покойного Грибоедова никаких почестей, даже не был представлен почетный караул. Аббас-мирза так поступил в угодность Макдональду; признаюсь, что я такой низости никогда не предполагал в английском посланнике; неужели и в этом находит он пользу для ост-Индской компании, чтобы мстить человеку даже после его смерти»⁹².

Через четыре дня после получения от Бенкендорфа записки Фон Фока, 16 марта 1829 г., Нессельроде писал Паскевичу о впечатлении, произведенном на Николая I вестью о гибели Грибоедова, и одновременно подсказывал удобную Николаю I версию о виновности Грибоедова в своей смерти, то есть ту же мысль, которую Нессельроде проводит в публикуемом письме к Бенкендорфу: «При сем горестном событии его величеству отрадна была бы уверенность, что шах персидский и наследник престола чужды гнусному и бесчеловечному умыслу, и что сие происшествие *должно приписать* опрометчивым порывам усердия покойного Грибоедова, несоображавшего поведение свое с грубыми обычаями и понятиями черни тегеранской...»⁹³ (курсив наш.—М. М.). В том же письме Нессельроде сообщал о разрешении Николая I на отсрочку

платежа 9 и 10-го курура контрибуции. Фактически виновники гибели Грибоедова остались ненаказанными, дело ограничилось приездом в Петербург с извинениями Хозрева-мирзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГИА, ф. № 728, оп. 1, ед. хр. 1230, лл. 3—4.

² Нечкина. Грибоедов, стр. 57, 150, 563.

³ Обращение выскоблено. То, что адресатом является Павел Муханов, не вызывает сомнений: письмо хранится в его бумагах.

⁴ Герцог — Александр Виртембергский, у которого Бестужев был с 7 июля 1823 г. адъютантом.

⁵ Н. Н. Оржицкий. См. о нем: «Лит. наследство», т. 59, стр. 194, а также стр. 227 настоящего тома.

⁶ Софья Федоровна Крюковская — невеста, а с 1834 г. — жена Н. Н. Оржицкого.

⁷ Александр — Грибоедов.

К именам двух декабристов — Н. Н. Оржицкого и А. Н. Муравьева, — с которыми, как известно, встречался Грибоедов во время своего двухмесячного пребывания в Симферополе, мы теперь можем прибавить еще имя М. Ф. Орлова, приехавшего в Крым из Одессы в середине июля 1825 г. Орлов пишет жене из Симферополя 19 июля 1825 г.: «Завтра еду на побережье вместе с Грибоедовым, которого я наконец разыскал и который со мной очень любезен». Описывая природу Крыма, Орлов продолжает: «Я приветствовал Чатыр-Даг криком восторга. Грибоедов без ума от Крыма» (ЦГИА, ф. № 1711, оп. 1, ед. хр. 59, л. 13—13 об. — Подлинник на франц. яз.). В следующем письме из Симферополя от 24 июля 1825 г., описывая жене свое путешествие по южному берегу Крыма, Орлов сообщает: «Я путешествовал совершенно один, так как Грибоедов почувствовал себя нездоровым» (там же, л. 15. — Подлинник на франц. яз.).

⁸ А. И. Одоевский. — Письма Грибоедова к нему из Киева и Крыма до нас не дошли.

⁹ Мария Сергеевна Грибоедова, по мужу Дурново (1793—1856) — сестра Грибоедова, пианистка, ученица Фильда.

¹⁰ Николай Сергеевич Слепцов (1798—1831) — лейб-гусар. См. о нем: ВД, т. VIII, стр. 396—397. Там же, стр. 34, читаем, что А. А. Бестужев «в 1825 поступил в верхний круг, т. е. в разряд убежденных» Северного общества. Возможно, что Бестужев намеряет Муханову именно на это вступление.

¹¹ Алексей Николаевич Бахметев (1801—1861) — ротмистр лейб-гвардии конного полка, впоследствии (с 1858 г.) попечитель Московского учебного округа.

¹² С. П. Трубецкой. — Его брат П. П. Трубецкой, член Союза Благоденствия, в это время был начальником Одесского таможенного округа. Не к нему ли ехал служить Оржицкий?

¹³ Федор Петрович Шаховской (1796—1829) — член Союза Спасения и Союза Благоденствия.

¹⁴ В дальнейшем Павел Муханов участвовал во многих кампаниях, занимал ряд гражданских должностей в Варшаве, был членом Государственного совета.

В том же архиве (ЦГИА, ф. № 728, оп. 1, ед. хр. 1230, л. 2) хранится более раннее письмо А. А. Бестужева к Павлу Муханову:

Любезному товарищу по полку и собрату по эксельбанту Бестужев желает здравия.

Сделай одолжение, любезный Павел Александрович, полюби Оржинского, который принесет тебе эту записку, и познакомь его, коли можно, в хороших домах московского общества, чем много обяжешь и его и любящего тебя

Александра Бестужева

Генв[аря] 15 дня
1825.

¹⁵ Д. И. Завалишин. Воспоминания о Грибоедове. — «Древняя и новая Россия», 1879, № 4, стр. 320—321; то же в сб. «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». Ред. Н. К. Пиксанова. Комментарии И. С. Зильберштейна. М., 1929, стр. 173; А. А. Сиверс. П. А. Муханов. Материалы для биографии. — «Памяти декабристов», I, 1926, стр. 153—159.

¹⁶ «Русская старина», 1882, № 4, стр. 179, 181.

¹⁷ Литературу о Павле Муханове см. в кн.: А. А. Сиверс. Материалы к родословию Мухановых. СПб., 1909, стр. 121—135.

¹⁸ Нечкина. Грибоедов, стр. 150, 563 (прим. 83).

¹⁹ Там же, стр. 410.

²⁰ В «Горе от ума».

- ²¹ Парфений Николаевич Енгальчев (1769—1829)—шадский уездный предводитель дворянства, составивший «Простонародный лечебник» (изд. 3-е, 1808).
- ²² ЦГИА, ф. № 1155, оп. 1, ед. хр. 392, л. 1.
- ²³ «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М., 1929, стр. 228—229; Нечкина. Грибоедов, стр. 490—492.
- ²⁴ «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», стр. 169—170.— Подробный анализ образа Репетилова см. в главе XIII названной книги Нечкиной, стр. 365—380.
- ²⁵ ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 174, л. 19— из показаний от 24 февраля 1826 г.
- ²⁶ ЦГВИА, ф. № 36, оп. 4/847, св. 16, д. 112 — «Дело о коллежском асессоре Грибоедове», л. 1; Щеголев. Декабристы, стр. 104; Нечкина. Грибоедов, стр. 481.
- ²⁷ ЦГВИА, ф. № 36, оп. 4/847, св. 16, д. 112, л. 2. — Этой записке В. В. Левашева к А. Н. Потапову предшествовала секретная записка последнего от 11 февраля 1826 г.: «Имею честь донести вашему высокопревосходительству, что сего числа привезен из крепости Грозной коллежский асессор Грибоедов, который и отправлен к генерал-адъютанту Башуцкому для содержания под арестом на главной гаубахте» (ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 31, л. 5; Щеголев. Декабристы, стр. 107; Нечкина. Грибоедов, стр. 492).
- ²⁸ Там же, л. 3 (копия этого документа хранится в ГИМ, Щук., св. 457, ед. хр. А 819); Нечкина. Грибоедов, стр. 489.
- ²⁹ Федор Григорьевич Кальм (1788—1839)—член Союза Благоденствия.
- ³⁰ Александр Ходкевич (ум. 1838)—отставной генерал-майор польской службы, член польского тайного общества.
- ³¹ Роман Васильевич Любимов (1784—1838)—член Союза Благоденствия.
- ³² Павел Христофорович Граббе (1789—1875)—член Союза Благоденствия.
- ³³ Иван Матвеевич Юмин—член Союза Благоденствия.
- ³⁴ О Шаховском см. прим. 13.
- ³⁵ Николай Дмитриевич Синявин (1792—1833); привлекался к делу декабристов. См. о нем: ВД, т. VIII, стр. 176 и 395.
- ³⁶ Михаил Петрович Баратаев (1784—1856); привлекался к делу декабристов. См. о нем: ВД, т. VIII, стр. 28 и 273.
- ³⁷ Дмитрий Иринархович Завалишин (1804—1892)—член Северного общества. О пребывании с Грибоедовым под арестом в Главном штабе оставил интересные воспоминания (см. в сб. «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», 1929, стр. 153—174).
- ³⁸ Алексей Алексеевич Тучков (1800—ок. 1879)—член Союза Благоденствия.
- ³⁹ ЦГВИА, ф. № 36, оп. 4/847, св. 16, д. 112, л. 6.
- ⁴⁰ Там же, л. 4.
- ⁴¹ Там же, л. 7.
- ⁴² Там же, л. 8.— В этот же день были освобождены и представлены через плац-адъютанта штабс-капитана Трусова начальнику Главного штаба Дибичу заключенные в Петропавловской крепости — М. Ф. Голицын, А. А. Плещеев 2-й и Ф. Е. Врангель (см. рапорт коменданта Петропавловской крепости генерал-адъютанта Сукина на имя Николая I от 2 июня 1826 г.—ЦГВИА, ф. № 36, 1826—1828 гг., оп. 4/847, св. 20, д. 265, л. 3). Копия публикуемого документа (№ 7) хранится в ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 37, л. 17 и частично использована в кн.: Нечкина. Грибоедов, стр. 512—513.
- ⁴³ Там же, л. 9; Щеголев. Декабристы, стр. 123. Копия документа находится в ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 37, л. 16 и полностью приводится в кн.: Нечкина. Грибоедов, стр. 512.
- ⁴⁴ Там же, св. 20, д. 265, л. 4—4 об. Воскресенье после 3 июня 1826 г. приходилось на 6 июня 1826 г. Подлинник документа хранится в ЦГИА (ф. № 48, оп. 1, д. 32, л. 129) и полностью приводится в кн.: Нечкина. Грибоедов, стр. 513.
- ⁴⁵ Михаил Федорович Голицын (1800—1873); привлекался по делу декабристов. См. о нем: ВД, т. VIII, стр. 66—67 и 306.
- ⁴⁶ Александр Александрович Плещеев 2-й (1802—1848); привлекался по делу декабристов. См. о нем: ВД, т. VIII, стр. 150 и 376.
- ⁴⁷ Михаил Николаевич Муравьев (1796—1866)—впоследствии Муравьев-Вильянский; член Союза Спасения и Союза Благоденствия.
- ⁴⁸ Фаддей Егорович Врангель; привлекался по делу декабристов. См. о нем: ВД, т. VIII, стр. 58—59 и 299.
- ⁴⁹ Алексей Васильевич Семенов (1799—1864)—член Союза Благоденствия.
- ⁵⁰ ЦГВИА, ф. № 36, 1826—1828 гг., оп. 4/847, св. 20, д. 265, л. 5.— Против фамилии Грибоедова, подчеркнутой дополнительно карандашом, повидимому Дибичем, стоит карандашная отметка, напоминающая букву «ч». О происхождении ошибочной даты «4-го числа сего июня освобождены» см. в кн.: Нечкина. Грибоедов, стр. 514, где опубликован с купюрой и настоящий список (стр. 513).
- ⁵¹ Там же, св. 16, 1826 г., д. 112, л. 9.—Аналогичное отношение Дибича (копия)

к Нессельроде имеется в этом же деле (л. 11). Публикуемый документ точно указывает на 8 июня 1826 г., как на дату производства Грибоедова в чин надворного советника.

⁵² Там же, св. 20, д. 265, л. 10. Грибоедову, как дипломату, жалование выплачивалось в «червонных», то есть в золотых рублях.

⁵³ Там же, л. 10 (в документе число отсутствует). Собственноручная справка Грибоедова датируется приблизительно 7—8 июня 1826 г.

⁵⁴ Там же, св. 16, д. 112, л. 12—12 об.

⁵⁵ Щеголев. Декабристы, стр. 109; Нечкина. Грибоедов, стр. 493, 499—500.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. № 36, оп. 4/847, св. 15, д. 66, л. 1. Копия.

⁵⁷ ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 31, л. 5; Щеголев. Декабристы, стр. 107; Нечкина. Грибоедов, стр. 492.

⁵⁸ Там же, д. 174, л. 2; Полн. собр. соч. Грибоедова, т. III, Пг., 1917, стр. 189.

⁵⁹ В этот же день Следственная комиссия получила из Главного штаба отношение Ермолова к Дибичу об аресте и отправлении Грибоедова в Петербург (ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 31, л. 4, № 590 от 12 февраля 1826 г.; см. также воспроизведение отношения Ермолова от 23 января 1826 г. в «Лит. наследстве», т. 47—48, 1946, стр. 105). Если бы Грибоедова выводили из Главного штаба на допрос 11 февраля, то Следственная комиссия была бы уведомлена Левашевым (бывшим на заседании 11 февраля) в тот же день. Гораздо более вероятно, что отношение Ермолова было отправлено Потаповым (появившимся, кстати говоря, на заседании комиссии 12 февраля) к Левашеву, как члену Следственной комиссии, 12 февраля 1826 г., одновременно с отправкой к нему на допрос Грибоедова. Вечером Левашев занес отношение в Комиссию, где оно и было зарегистрировано за № 590.

⁶⁰ ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, 1826 г., д. 27 (вход. № 1150 от 1 июня 1826 г.) — о получении Следственным комитетом отношения Дибича от 29 мая о переименовании по приказу Николая I Следственного комитета в Следственную комиссию.

⁶¹ Там же, д. 174, лл. 15—19 об. и 21—23; Нечкина. Грибоедов, стр. 495 и 496.

⁶² Там же, д. 26, лл. 226, 228 об., 263, 267—267 об.

⁶³ О В. И. Сухачеве Грибоедова допрашивали еще 15 марта 1826 г. Нужно отметить, что вслед за Грибоедовым о том же Сухачеве допрашивали в тот же день и А. И. Якубовича.

В протоколах Следственной комиссии записано, что 15 марта допрашивали: «... 4. Коллежского асессора *Грибоедова* вторично, для узнания, не был ли он известен о намерениях захваченного в Ростове близ Таганрога *Сухачева* и об Обществе в Грузии, к коему сей последний, по собственному признанию, принадлежит. Объяснил, что не только не знал, но даже никогда не слыхал о *Сухачеве*, как в Грузии, так и в других местах. Положили: дать ему допросные пункты. 5. Капитана *Якубовича* по тому же предмету: показал, что в Грузии никакого *Сухачева* не знал, а был знаком четыре года тому назад с *Сухановым*, служившим там в суде расправы, который пользовался всеобщим уважением и доверенностью генерала Ермолова, делавшего ему неоднократно значительные поручения. Положили: взять в соображение и дать ему допросные пункты» (ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 26, л. 263).

О Сухачеве см.: ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 155; «Декабристы. Незданные материалы и статьи». Под ред. Б. Л. Молзалева и Ю. Г. Оксман. М., 1925, стр. 75—80; «Былое», 1923, № 21, стр. 49—56; «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. XX, 1948, стр. 50—91.

⁶⁴ ЦГИА, ф. № 48, оп. 1, д. 25, л. 210. — Заседание Следственной комиссии в этот день (16 марта) началось в 6 часов вечера и кончилось в 12 часов ночи (там же, л. 211 об.); в связи с этим необходимо обратить внимание на то, что Бенкендорф вызывал Грибоедова 16 марта 1826 г. к 1 часу дня (№ 6), то есть за 5 часов до начала заседания.

⁶⁵ Там же, л. 211 об.

⁶⁶ Там же, д. 26, л. 538 об.

⁶⁷ «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», стр. 29.

⁶⁸ Там же, стр. 147—149, 183; письмо Грибоедова к В. К. Кюхельбекеру от 27 ноября 1825 г. — Полн. собр. соч. Грибоедова, т. III, Пг., 1917, стр. 183; Нечкина. Грибоедов, стр. 202, 482—484.

⁶⁹ ЦГВИА, ф. ВУА (коллекция Военно-ученого архива Главного штаба), секретная опись 10 с, 1826 г., д. 4, лл. 88—89 об.

⁷⁰ Нечкина. Грибоедов, стр. 476—478.

⁷¹ Дмитрий Васильевич Дашков (1788—1879) — дипломат, литератор, один из основателей «Аразмаса», с 1826 г. товарищ министра внутренних дел. 25 апреля 1828 г. назначен состоять при Николае I во время его поездки в действующую армию. Об этом «возвышении» и говорится в записке. Впоследствии Дашков — министр юстиции и член Государственного совета (см. о нем также стр. 29).

⁷² Александр Сергеевич Меншиков (1787—1869). С 1813 г. находился в свите Александра I, но участие его в составлении совместно с Новосильцевым и М. С. Воронцовым в 1821 г. проекта освобождения крестьян вызвало нерасположение к нему царя, и Меншиков был вынужден выйти в отставку. Карьера Меншикова

возобновилась при Николае I. Впоследствии — адмирал и генерал-адъютант, командовал войсками в Крымскую кампанию.

⁷³ Павел Петрович Сухтелен (1788—1833) — участник всех войн александровского царствования, в 1828 г. — один из представителей России при заключении Туркманчайского мира, впоследствии — оренбургский военный губернатор.

⁷⁴ То есть при Александре I.

⁷⁵ ЦГИА, ф. № 109, 1 секр. архив, оп. 4, ед. хр. 14, л. 1—1 об.

⁷⁶ О разговоре Грибоедова с Николаем I в марте 1828 г. (во время пребывания Грибоедова в Петербурге) в пользу осужденных декабристов см. в воспоминаниях Петра Бестужева — Бестужевых, стр. 362.

⁷⁷ Письмо Грибоедова к Булгарину от ноября 1828 г. — Полн. собр. соч. Грибоедова, т. III. Пг., 1917, стр. 232.

⁷⁸ «Полное собрание законов Российской империи», т. XXVII, стр. 30, 406; т. XXV, стр. 27, 964; «Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802—1902». СПб., 1901, стр. 51, 97—98.

⁷⁹ «Русская старина», 1881, № 9, стр. 165.

⁸⁰ ЦГИА, ф. № 109, 1 секр. архив, оп. 1, ед. хр. 1900, лл. 3 об. — 4.

⁸¹ «Северная пчела», 1830, № 35 от 22 марта.

⁸² Пушкин. Предисловие к «Путешествию в Арзрум» (т. VIII, стр. 443).

⁸³ Письмо к В. Ф. Вяземской от 18 марта 1828 г. — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. II. М.—Л., 1936, стр. 58.

⁸⁴ «Н. Полевой». Редакция, вступительная статья и комментарий Вл. Орлова. Л., 1934, стр. 468—473; М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908, стр. 253—260.

⁸⁵ М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 273—274.

⁸⁶ «Ост. архив», т. III, стр. 209, 566—567.

⁸⁷ Аббас-Мирза (1782—1833) — с 1816 г. наследник персидского престола; впоследствии правитель иранского Азербайджана с резиденцией в Тавризе («Русская старина», 1872, № 6, стр. 188—189).

⁸⁸ ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., 1829 г., л. 147, лл. 1—2. — Фон Фок приводит цитату (с небольшими разночтениями) из письма Грибоедова к В. С. Миклашевич из Тавриза от 3 декабря 1828 г. (ср. Полн. собр. соч. Грибоедова, т. III, стр. 237). «Один друг Грибоедова...» — Булгарин, связанный III Отделением и любивший афишировать свои отношения с Грибоедовым. Эти отношения, позволявшие Грибоедову быть в курсе многих событий и настроений в правительственных кругах, часто являлись предметом иронических замечаний со стороны окружающих. Так, И. С. Мальцев писал из Тавриза к С. Д. Нечаеву 30 ноября 1828 г.: «Пишу к Булгарину. Оп, надеюсь, тиснет *pro vasa* в «Северной пчеле» — мы, кажется, с ним в ладах» (ЦГИА, ф. № 1012, оп. 1, ед. хр. 149, л. 4 об.).

⁸⁹ Там же, л. 4—4 об.

⁹⁰ «Русская старина», 1874, № 11, стр. 521—523.

⁹¹ Там же, 1872, № 8, стр. 189.

⁹² Там же, стр. 192.

⁹³ Там же, стр. 193—194.

И. С. Мальцев писал С. Д. Нечаеву из Тифлиса 10 мая 1829 г.: «... Каких ужасов был я свидетелем в Персии! — истинно мои похождения могли бы послужить материалом Шпизу для какого-нибудь ужасного романа, а Шекспиру для кровопролитной драмы» (ЦГИА, ф. № 1012, оп. 1, ед. хр. 149, л. 5). Любопытно, что это письмо имеет карандашную пометку рукой Мальцева: «По прочтении просим возвратить». Возможно, что письма с описанием разгрома русской миссии в Тегеране были возвращены С. Д. Нечаевым обратно Мальцеву и уничтожены последним. Это предположение подтверждает и перерыв в письмах И. С. Мальцева с 30 ноября 1828 г. по 10 мая 1829 г., и то обстоятельство, что правдивое описание событий убийства Грибоедова находилось бы в противоречии с официальной версией Нессельроде — Николая I, опровергнуть которую Мальцеву, как чиновнику Министерства иностранных дел, было бы небезопасно.

Сохранился отклик И. А. Мальцева на смерть Грибоедова, который встречался с ним в Симферополе. 27 марта 1829 г. Мальцев пишет из Москвы в Петербург С. Д. Нечаеву: «Любезнейший друг, Степан Дмитриевич, бог неисповедимыми судьбами спас нашего секретаря по беспредельной своей милости; дошедшая ужасная весть о несчастном Грибоедове в то же время известила нас о сохранении Вани. Я душевно сожалею о покойнике, с которым проведенные десять дней в Крыму возродили навсегда к нему в душе моей уважение...» (ЦГИА, ф. № 1012, оп. 1, ед. хр. 148, л. 4).

Ваня — Иван Сергеевич Мальцев (1807—1880) сопровождал Грибоедова в Персию в качестве первого секретаря русского посольства. Во время разгрома посольства в Тегеране 30 января 1829 г. единственным оставшимся в живых был И. С. Мальцев, спрятавшийся в доме знакомого персиянина. Обстоятельства, связанные с убийством Грибоедова, исследованы А. П. Берже в статье «Смерть А. С. Грибоедова». — «Русская старина», 1872, № 8, стр. 163—207.

II. СПИСОК «ГОРЯ ОТ УМА» ДЕКАБРИСТА А. И. ЧЕРКАСОВА

Сообщение О. И. Поповой

Несколько лет тому назад Государственный Литературный музей приобрел экземпляр комедии Грибоедова, переписанный рукою члена Северного и Южного обществ Алексея Ивановича Черкасова. Это — первый известный нам список «Горя от ума», сделанный декабристом.

Тексту комедии в списке Черкасова предшествует неизвестный портрет Грибоедова работы художника-любителя первой половины XIX в. — Модеста Дмитриевича Резваго¹.

Тот факт, что список комедии был сделан именно А. И. Черкасовым, устанавливается сличением почерка, которым переписана комедия и сделана дарственная надпись на списке, с автографами Черкасова, находящимися в делах декабристов.

Дарственная надпись находится наверху первого листа рукописи. Приводим ее целиком:

Милостивой государыне Софье Павловне Дарауер сия комедия в вечное и потомственное владение от начавшего копировать ее. Апреля 30 дня 1825. С. П.бург, вечер 9 часов.

Черкасов

Подпись под дарственной надписью тщательно зачеркнута. Очевидно, владельцы рукописи вычеркнули подпись уже после 14 декабря, когда боялись произносить имена декабристов, когда уничтожались документы, свидетельствующие о близости с ними. Подпись удалось прочитать лишь с помощью профессора С. М. Потапова в криминалистической лаборатории Института права Академии наук СССР².

Биографические данные о Софье Павловне Дарауер разыскать не удалось.

* * *

Декабрист Алексей Иванович Черкасов (род. в 1799 г.) — сын белевского помещика, секунд-майора барона И. П. Черкасова.

«В университетском благородном пансионе в Москве я пробыл 3 года», — говорил Черкасов в своих показаниях³. В 1816 г. Черкасов определился в Муравьевскую школу колонновожатых, где в 1817 г., после выдержанных им испытаний, был произведен в прапорщики. Дальнейший свой служебный путь Черкасов охарактеризовал следующими словами: «Быв откомандирован в главную квартиру 1-й Армии, пробыл в оной 2 месяца. Из оной был послан в главную квартиру 2-й Армии; был на высочайшем смотре 7-го корпуса в Старом Константинове и потом находился при 3-й Драгунской дивизии. 1819 года 22 марта прибыл на съемку Подольской губернии, где пробыл до начала 1825 года. В сем же году поступил на съемку Киевской губернии. Под судом и штрафом не бывал до 1826 года»⁴.

В первом показании Черкасов отрицал свою принадлежность к Тайному обществу, но затем признался, что был «принят в Тайное общество в 1824 г. капитаном Филипповичем» в Тульчине⁵. О принадлежности Черкасова к Тайному обществу показали также М. П. Бестужев-Рюмин, А. П. Барятинский, В. П. Ивашев, один из братьев Заикиных, один из братьев Бобринцевых-Пушкиных, Юшневский и Пестель⁶.

Вступить в Тайное общество побудило Черкасова, как он показал на следствии 20 января 1826 г., «желание видеть в России хорошие законы».

Отбыв срок наказания на Нерчинских рудниках, Черкасов был поселен сначала в г. Березове Тобольской губернии, а затем в Ялуторовске. В 1837 г. он был зачислен рядовым в Тенгинский полк на Кавказе. В 1843 г. Черкасов был уволен от службы и поселился в Белевском уезде, в имении своей мачехи, состоя под строгим секретным надзором полиции. До полной амнистии декабристов Черкасов не дожил. Он умер в апреле 1855 г.

* * *

С текстологической стороны список комедии «Горе от ума», сделанный рукою Черкасова, не представляет особого интереса. Восходит он в основном к «Жандровскому списку» и отличается от текста комедии, напечатанного в издании Академии наук, лишь незначительными различиями, повторяющими те, которые были уже опубликованы Н. К. Пиксановым⁷.

Ценность списка заключается главным образом в том, что он принадлежал декабристу, и в том, что в рукопись вклеен прижизненный портрет Грибоедова работы художника М. Д. Резваго.

Прижизненная иконография Грибоедова небогата: акварельный портрет В. И. Мошкова 1827 г. и миниатюра П. А. Каратыгина, рисованная, как гласит надпись на обороте ее, «с натуры в марте 1829 года». Между тем в марте 1829 г. Грибоедова уже не было в живых. Возникает вопрос: что же является ошибкой в этой надписи? Утверждение ли, что портрет сделан «с натуры», или дата? Повидимому, дата. К прижизненным портретам, быть может, следует отнести портрет работы Горюнова (?), принадлежавший одному из Всеволожских, а также портрет, приписываемый кисти Робильера (вделанный в переплет списка «Горя от ума», подаренного Грибоедовым Булгарину). Существуют еще два рисунка Пушкина, изображающих Грибоедова в профиль (1823 и 1831 гг.) и гравюра Н. И. Уткина (1829 г.)⁸.

Д. И. Завалишин писал: «... из всех портретов Грибоедова я не видел до сих пор ни одного, который напомнил бы мне остроумную физиономию автора „Горя от ума“; по крайней мере того Грибоедова, каким я знал его в 1824 и 1825 годах»⁹.

При такой бедности грибоедовской иконографии¹⁰ новый портрет писателя, к тому же исполненный в своеобразной трактовке, представляет большой интерес.

Портрет, помещенный в бумажную рамку, наклеен на обороте первого листа рукописи. Грибоедов изображен здесь в профиль, без очков. На рамке, внизу, нарисован потный свиток, а на свитке — очки Грибоедова.

Портрет выполнен карандашом. Под портретом характерная для художника Резваго подпись — монограмма из французских букв «MR»¹¹ и дата — «1825 г.».

Модест Дмитриевич Резваго (1807—1853) — военный и общественный деятель николаевского царствования, сын героя Отечественной войны 1812 г. — в 1825 г. окончил Главное инженерное училище. С 1835 г. он преподавал историю в старших классах Инженерного училища. В 1849 г. в чине полковника был вице-директором Строительного департамента Морского министерства. Таков служебный путь Резваго¹².

Но интересы Резваго не ограничивались только службой. Он был, кроме того, любителем-художником и музыкантом. Художник-дилетант, Резваго рисовал портреты главным образом своих друзей и знакомых¹³.

Большую дань отдавал Резваго музыке. В качестве виолончелиста он принимал участие в петербургских музыкальных вечерах. Известен он был и своими музыкальными рецензиями, печатавшимися в «Северной

А. С. ГРИБОЕДОВ

Рисунок М. Д. Резваго, 1825 г.

Включен в список «Горя от ума», собственноручно сделанный декабристом А. И. Черкасовым
Литературный музей, Москва

пчеле». В. Ф. Одоевский признавал за Резваго большие заслуги в деле развития музыкального образования в России. Одоевский ценил его как «глубокого знатока музыки» и «талантливого сочинителя», считая, что Резваго «установил впервые наш технический музыкальный язык»¹⁴. Заслуги Резваго в области музыки отмечены были в 1842 г. Академией наук: при избрании Резваго в члены-корреспонденты Отделения русского языка и словесности ему поручено было составить музыкальный словарь¹⁵.

Ранее того, 19 сентября 1839 г., в торжественном собрании Академии художеств, «коллежский ассессор Модест Дмитриевич Резваго, известный любовью к искусствам и отличными успехами его к рисованию и музыке», признан был «почетным вольным общником»¹⁶.

Оба — и Грибоедов и Резваго — принадлежали к одному и тому же кругу петербургского общества, обоим присущи были музыкальные интересы, оба, в частности, бывали в доме издателя «Северной пчелы». В 1825 г. (дата, указанная на портрете) они действительно могли встречаться в Петербурге. Это был последний год длительного служебного отпуска Грибоедова, проведенного им частью в Москве, частью в имении С. Н. Бегичева в Тульской губернии — Дмитриевке, частью в Петербурге. С января по 18 мая 1825 г. Грибоедов жил в Петербурге. Таким образом, Резваго исполнил портрет Грибоедова, повидимому, между январем и серединой мая 1825 г. В конце мая Грибоедов был уже в Киеве, возвращаясь на Кавказ.

Как и почему портрет Грибоедова работы Резваго оказался вклеенным в список «Горя от ума», сделанный декабристом Черкасовым? Принадлежал ли портрет действительно Черкасову или вклеен был в список позднейшими владельцами рукописи? Этого мы не знаем.

* * *

Кроме списка «Горя от ума», сделанного Черкасовым, Государственный Литературный музей почти одновременно приобрел список комедии, принадлежавший семье Ушаковых.

Семья Ушаковых была одной из наиболее просвещенных московских дворянских семей. Их дом посещали представители и старой и новой литературы: от П. И. Шаликова до П. А. Вяземского и, наконец, Пушкина, посвятившего дочерям Ушаковых несколько стихотворений и нарисовавшего им множество рисунков в известном «Ушаковском альбоме».

Мы вправе предполагать поэтому, что список «Горя от ума» семьи Ушаковых мог держать в своих руках частый посетитель ушаковской семьи в 1827 г. — Пушкин¹⁷.

Семья Ушаковых была музыкальна. Быть может, здесь бывала Мария Сергеевна, музыкально одаренная сестра Грибоедова? А может быть, бывал и сам Грибоедов во время своих наездов в Москву? Нельзя не вспомнить, что младшая дочь Ушаковых, Елизавета Николаевна, в 1830 г. вышла замуж за Сергея Дмитриевича Киселева, брата друга Грибоедова, Николая Дмитриевича.

В свете этих предположений ушаковский список комедии «Горе от ума» приобретает для нас особую ценность. Судя по почерку, комедия переписывалась Екатериной Николаевной, Елизаветой Николаевной Ушаковыми и еще одним лицом (быть может, их отцом — Н. В. Ушаковым)¹⁸.

При сравнении ушаковского списка с текстом «Горя от ума», опубликованным в издании Академии наук под редакцией Н. К. Пиксанова, который для установления канонического текста комедии пользовался рукописями С. Н. Бегичева, А. А. Жандра, Ф. В. Булгарина, а также отрывками текста «Горя от ума», напечатанными в 1825 г. в «Русской Та-

Императору Александру Второму
в Копенгагене в Карле и Гюгеновском дворце
от маршала Поняевых с. — А. И. Черкасов
№ 1 / Р. Д. Губ. Вост. Губ. —

Горя от ума

Комедия

В 4-х действиях в стихах

Действующие.

Павел Афанасьевич Франсуа, управляющий в каре-
соль Павловна, друг его. Антон

Иванка, Ануфриха

Алексей Степанович Миланов, секретарь Франсуа
живущий в доме Павла.

Александр Андреевич Гауки.

Похвальник Скалазуб, брат Сергеевич

Антон Дмитриевич, Молодцова, Дима } Близкие

Матвей Михайлович, друг его

Клинт Жукович и

Клинтская жена его с детьми дочерью.

Графиня бабушка Хромина

Графиня Вулька

Антон Антонович Загорский

Старуха Угостова, сводница Франсуа

Т. А.

Т. Б.

Репетилов.

Петрушка и несколько говорящих людей

Множество людей вдалеке разбег и их голоса при
разговоре.

Французские французы.

Действие в Москве в доме Франсуа

СПИСОК «ГОРЯ ОТ УМА», СОБСТВЕННОРУЧНО СДЕЛАННЫЙ ДЕКАБРИСТОМ
А. И. ЧЕРКАСОВЫМ

Был подарен Черкасовым С. П. Дарауер 30 апреля 1825 г. Подпись Черкасова в дарственной
надписи зачеркнута, вероятно, владельцем рукописи после 14 декабря.

Лист 1

Литературный музей, Москва

лии», мы находим ряд, неизвестных до сих пор, разночтений. Приводим наиболее существенные из них:

ТЕКСТ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

ТЕКСТ УШАКОВСКОГО СПИСКА

Действие I.

Явление 4.

Молчалин

Я только нес их для доклада,

Что в ход нельзя пустить без спра-
вок, без иных,

Что в ход нельзя пустить без
справок и без книг,

Явление 5.

Лиза

Лечился, говорят, на кислых он
водах,

Не от болезни, чай, от скуки, Не от болезни, чай, от скуки,
— повольнее. *там вольнее...*

Явление 7.

Чацкий

Что я Молчалина глупее? Где он, Что я Молчалина глупее...
кстати? кстати:

Еще ли не сломил безмолвия пе- Еще он не сломил *молчания* пе-
чати? чати?

Явление 10.

Фамусов

Ну, виноват. Какого-ж дал я Ну, виноват. Какую ж дал я
крюку! *рюху!*

Действие II.

Явление 2.

Фамусов

Раскланяйся, тупеем не кивнут. Раскланяйся, *путем и* не кивнут.

Действие IV.

Явление 2.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,

Бесценный, душечка, Попощь¹⁹,
что так уныло?

(*Целует мужа в лоб.*)

Мой ангел, жизнь моя!

Бесценный *душенька*, что *смот-*
ришь так уныло?

(*Целует его в лоб*)

Пунктуация в ушаковском списке на протяжении всего текста комедии в очень многих случаях отстывает от пунктуации академического издания и рукописей Жандровской и Булгаринской. Особенно часты случаи замены вопросительного знака — восклицательным и наоборот.

Кроме того, в списке встречаются разночтения и в ремарках. Есть пропуски отдельных слов. В 3-м явлении III действия в ушаковском списке, так же как и в булгаринском, пропущена часть диалога между Чацким и Молчалиным. Характер разночтений текста комедии восходит в основном к Жандровской и Булгаринской рукописям.

Ушаковский список тем более интересен, что архивный материал, относящийся к творческой истории комедии, дошел до нас далеко не весь²⁰.

Будь осердился на эту губу убогую.
Карину моя! Карину!

Иводитъ!

Явление 15.

Мать, князь Чаукало.

Франусовъ.

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ.
Скажи серьезно:

Безумный? Что онъ тутъ за штуку молчалъ!
Никопокланникъ! тееетъ! и про Москву такъ
звонко!

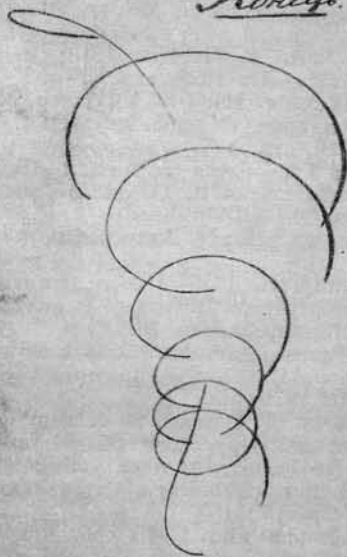
А ты меня рвалишь укорять?

Моя судьба еще не тлакова?

Ахъ! Боже мой! что онъ тамъ говоритъ!

Князь Марья Александровна.

Конецъ.

СПИСОК «ГОРЯ ОТ УМА», СОБСТВЕННОРУЧНО СДЕЛАННЫЙ ДЕКАБРИСТОМ
А. И. ЧЕРКАСОВЫМ

Лист последний

Литературный музей, Москва

Несохранившиеся рукописи Грибоедова могли содержать неизвестные нам варианты текста комедии. Это соображение обязывает исследователей с сугубой внимательностью относиться к многочисленным спискам «Горя от ума»: часть их могла быть сделана с не дошедших до нас рукописей, ценных в текстологическом отношении.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Фамилия М. Д. Резваго в разных печатных источниках пишется по-разному: Резвой, Резваго.

² Приношу С. М. Потапову большую благодарность за произведенную им трудную и сложную работу для прочтения зачеркнутой подписи декабриста Черкасова.

³ ПГИА, ф. № 48, д. 428, л. 15.

⁴ Там же, лл. 14—15. «Формулярный список поручика барона Черкасова 1826 года» дополняет показания декабриста. Из этого формулярного списка мы узнаем, что Черкасов был «колонновожатым» с 1 февраля 1817 г., прапорщиком — с 26 ноября 1817 г., подпоручиком — с 8 апреля 1821 г. и, наконец, поручиком — с 26 ноября 1823 г.; в 1824 г., «с 25 января на два месяца», был в отпуску (там же, лл. 16—17). Формулярный список обрывается на 1824 г.

Из писем С. М. Салтыковой, гостившей в имении своего дяди, декабриста П. П. Пассека (в Крашневце, Смоленской губ.), мы узнаем, что летом 1824 г. в Крашневце дважды гостил «барон Черкасов». Повидимому, это был А. И. Черкасов (Б. Л. Модзалевский). Роман декабриста Каховского. Л., 1926, стр. 34, 42). Пассека в этот год, по свидетельству Салтыковой, посещали многие декабристы, в том числе: И. Д. Якушкин, И. С. Повало-Швейковский (подольский помещик), В. К. Кюхельбекер, П. Г. Каховский.

⁵ Там же, л. 21.— Н. И. Филиппович — капитан квартирмейстерской части; умер в марте 1825 г. Повидимому, Черкасов для того назвал имя покойного Филипповича, чтобы иметь возможность не называть имен живых членов Тайного общества.

⁶ Там же.

⁷ Грибоедов. Полн. собр. соч., т. II. Пг., 1913; Н. К. Пиксанов. Творческая история «Горя от ума». М.—Л., 1928, стр. 75—152.

⁸ Грибоедов. Полн. собр. соч., т. III. Пг., 1917, стр. 326.

⁹ Д. И. Завалишин. Воспоминания о Грибоедове. — «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М., 1929, стр. 174.

¹⁰ О прижизненной иконографии Грибоедова см. в изд.: «Пушкин и его друзья. Портреты». Редакция и вступительная статья И. С. Зильберштейна. М., изд. Гос. Лит. музея, 1937, стр. 31—33.

¹¹ В. Я. Адарюков. Очерк по истории литографии в России. — «Аполлон», 1912, № 1, стр. 34.

¹² «Список членов имп. Академии наук. 1725—1907 гг., составленный Б. Л. Модзалевским». СПб., 1908, стр. 199. — Портрет М. Д. Резваго (с миниатюры неизвестного) воспроизведен в «Старых годах», 1913, апрель, стр. 28.

¹³ Перечень портретов работы Резваго дается в «Очерке по истории литографии в России» В. Я. Адарюкова (см. прим. 11).

¹⁴ «Лит. газета», 1845, № 11, от 15 марта.

¹⁵ Отдельным изданием словарь М. Д. Резваго не вышел. Он вошел составной частью в «Словарь церковно-славянского и русского языка», изданный 2-м Отделением имп. Академии наук (СПб., 1847). В 1-м томе указанного словаря читаем: «Для музыкальных терминов М. Д. Резвый сообщил Отделению в рукописи составленный им музыкальный словарь» (стр. XV).

¹⁶ «Сборник материалов для истории имп. С.-Петерб. Академии художеств за 100 лет ее существования», ч. II. Изд. под ред. П. Н. Петрова и с его примечаниями. СПб., 1865, стр. 387.

¹⁷ Список «Горя от ума», принадлежавший Ушаковым, писан на бумаге с водяным знаком 1826 г.

¹⁸ Автографы Н. В. Ушакова в архивах отсутствуют, поэтому точно ответить на этот вопрос нельзя.

¹⁹ Наименование «Пополь», обращенное Н. Д. Горичевой к мужу, имеется лишь в Жандровском списке. Не есть ли это французское слово «пророте» (что есть «домосед»), неверно прочитанное переписчиком в грибоедовских «брульонах», хранившихся в архиве А. А. Жандра?

²⁰ См. Н. К. Пиксанов. Творческая история «Горя от ума». М.—Л., 1928, стр. 104—105, 131—133; Полн. собр. соч. Грибоедова, т. III. Пг., 1917, стр. 196; ср. В. А. Парсаян. А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, 1947, стр. 229—230.

Ш. ЕСТЬ ЛИ ПРОПУСК В РУКОПИСИ ВОСПОМИНАНИЙ А. А. БЕСТУЖЕВА О ГРИБОЕДОВЕ?

Сообщение В. А. Архипова

В 1860 г. М. И. Семевский опубликовал в «Отечественных записках» рукопись воспоминаний А. А. Бестужева о Грибоедове — «Знакомство А. А. Бестужева с А. С. Грибоедовым»¹. В этой публикации после слов: «С этих пор мы были уже нечужды друг другу» следовало многоточие, а в примечании сообщалось: «Пропуск в подлиннике». Во всех без исключения дальнейших перепечатках сохранялись как многоточие, так и примечание Семевского².

Все это породило чуть ли не целую литературу. Не было историка, критика, литературоведа, который, занимаясь Грибоедовым, не высказывал бы недоверия к примечанию Семевского или не огорчался бы по поводу «утраченного» отрывка воспоминаний выдающегося декабриста о великом драматурге, не строил бы предположений о содержании недошедшего до нас отрывка и, наконец, не ссылался бы на «выразительное многоточие» как на наиболее сильный аргумент в пользу тесных связей Грибоедова и декабристов. Насколько далеко ушли ученые в данном направлении, можно судить по следующему рассуждению М. В. Нечкиной.

«В указанном пропуске и многоточии первопечатного текста, — читаем мы в книге «А. С. Грибоедов и декабристы», — нельзя не усмотреть косвенного опровержения показаний того же А. Бестужева на следствии; значит, о чем-то сам Бестужев не счел возможным говорить, когда писал воспоминания. Но почему же не опубликовать факта, что Грибоедов *не был* членом тайного общества? Очевидно, речь шла о каком-то другом, противоположном, факте»³.

Иными словами, в этом многоточии М. В. Нечкина «усмотрела» доказательство того, что Грибоедов был членом Тайного общества. Странно, что для выяснения сомнительного места М. В. Нечкина не обратилась к автографу воспоминаний, хранящемуся в ИРЛИ.

Только в 1951 г. М. К. Азадовский после тщательного изучения рукописи Бестужева, сообщил, что М. И. Семевский опубликовал бывший у него текст полностью. Вопрос же о пропуске в оригинале М. К. Азадовский оставил открытым. Был ли, действительно, пропуск, сказать трудно, — пишет он. — Фразой «мы были нечужды друг другу...» заканчивается часть тетради, находящаяся в переплете № 5576; часть же тетради в переплете № 5581 начинается со следующей фразы <«Обладея всеми светскими выгодами...» — соответственно публикации М. К. Азадовского. — В. А.». Возможно, что несколько листов оказались утраченными»⁴.

Это наиболее авторитетное суждение. Оно не пересматривалось до настоящего времени. Обращение к рукописи Бестужева заставляет, однако, несколько уточнить мнение М. К. Азадовского.

Семевский, действительно, опубликовал полностью, но не рукопись Бестужева, а копию, снятую с нее сестрой декабриста Еленой Александровной Бестужевой. Последняя же, снимая копию, опустила одну фразу, открывавшую вторую тетрадь, и поставила вместо нее многоточие. Вот эта фраза: «и тем чаще я мог быть с ним». Она начинается со строчной буквы, следовательно, является обрывком чего-то. Чего? — этого вопроса Е. А. Бестужева не могла решить и сделала пропуск. Так появилось «выразительное многоточие» и родилась версия об утраченных «нескольких листах» рукописи. Но если мы отрешимся от гипноза многоточия, которого в рукописи Бестужева нет, соединим «разрозненные» тетради (что позволяют сделать значки, поставленные Бестужевым в конце первой тетради и

открывающие вторую тетрадь) и будем читать так, как написано в оригинале, то у нас получится:

«С этих пор мы были уже нечужды друг другу и тем чаще я мог быть с ним».

Таков подлинный бестужевский текст, в нем нет никакого пропуска.

Восстановленное место при всей его краткости имеет немалое значение. Оно говорит о частых встречах Грибоедова в 1825 году (!) с одним из руководителей Северного общества. Данное свидетельство самого Бестужева — драгоценно. Если же мы будем держаться точного смысла слов «тем чаще я мог быть с ним», то увидим, что они несут особую смысловую нагрузку: в них речь идет не о встречах в компании друзей, не о беседах при третьих лицах, а о разговорах глаз на глаз, вдвоем («я» «с ним»), что характерно. Наконец, восстановленная фраза свидетельствует о том, что дружба Бестужева и Грибоедова, приведшая к частым встречам, возникла на основе идейной общности.

Таково, в общих чертах, значение восстановленного текста.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Отечественные записки», 1860, № 10, стр. 633—640.

² См. «Воспоминания братьев Бестужевых». Редакция П. Е. Щеголева. Пг., изд. «Огни», 1917, стр. 352; «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». Ред. Н. К. Пиксанова. Комментарии И. С. Зильберштейна. М., 1929, стр. 139; «А. С. Грибоедов, его жизнь и гибель в мемуарах современников». Редакция и примечания Зин. Давыдова. Л., 1929, стр. 52; Б е с т у ж е в ы, стр. 529.

³ Н е ч к и н а. Грибоедов, стр. 407—408.

⁴ Б е с т у ж е в ы, стр. 803, 805—806.

В этом издании воспоминаний М. К. Азадовский ошибочно поместил фразу: «Обладая всеми светскими выгодами...» не на свое место. В автографе она следует после слов: «и тем чаще я мог быть с ним».